

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ирина Матвеева

IT, VI, F, AI, A,

HE.SD

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЕРНУЛСЯ

За мной

18+

Инна Матвеева

Безжалостный. Он вернулся за мной

<https://litres.ru/74187152>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то я нечаянно организовала Глебу крупные проблемы, и он обещал, что я за это отвечу. Вот только потом исчез, и со временем я забыла про его обещание... Но Глеб вернулся. Вернулся, чтобы перевернуть мне жизнь. В самый неожиданный и уязвимый момент.

Глеб безжалостный, разрушительный и непредсказуемый. И если есть способ справиться с ним, то только тот, который сожжёт нас обоих дотла.

Содержание

Глава 1. Ева	4
Глава 2. Ева	13
Глава 3. Ева	19
Глава 4. Ева	28
Глава 5. Ева	37
Глава 6. Глеб	47
Глава 7. Ева	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Инна Матвеева

Безжалостный. Он вернулся за мной

Глава 1. Ева

— Слышали, Глеб возвращается? — внезапно спрашивает нас Алиса, и в группе тут же начинается оживление.

— В марте? И прям сразу на наш третий курс? Он же с первого ушёл.

— А где он вообще был?

— Откуда такая информация? Ну, про возвращение.

То и дело поворачиваюсь к говорящим, просто слушая, толком и лица не видя. Не вмешиваюсь. Просто не могу, ни слова не способна сейчас сказать. И только сердце заполошно бьётся в груди.

— Я была в деканате по поводу перевода на заочку из-за замужества, — говорит Оля, которая вышла за парня из нашей же группы, Руслана. Мы все были на их свадьбе одиннадцатого марта, совсем недавно. — И увидела там Глеба. Он разговаривал наоборот, о том, чтобы доучиться среди нас. Как я поняла, всё это время дистанционно сдавал сессию.

Непроизвольно хмурюсь, не понимая, зачем вообще это

всё Глебу. И учёба сама, и внезапное возвращение.

Что-то мне подсказывает, что этот парень ничего не делает просто так...

Но, увы, ребята не продолжают эту тему, а начинают следующую: спрашивают Олю, зачем из-за замужества на заочку переводиться. Это же не работа какая-нибудь... Потом начинают гадать, не связано ли это с беременностью. Руслан пресекает разговоры, а я толком никого не слышу уже.

Впервые за долгое время я думаю о Глебе. С самого его ухода с первого курса я не позволяла себе этого делать. Это слишком неприятные и даже постыдные воспоминания... Глеб как-то спас меня от стаи бродячих собак, которые завелись во дворах одного из жилых домов, мимо которого я обычно хожу в универ. Они окружили меня, и я думала, уже всё, пропаду. Ужасно испугалась. А он подошёл как ни в чём не бывало, смело, с палкой. Большинство отогнал, но какой-то пёс попробовал напасть... И Глеб, весь такой с виду красавчик с обложки, ловко перехватил животное за пасть, чуть не разрывая ту. До сих пор помню тот скулёж собаки... Мне даже жаль стало. Хотя пёс и набросился первым, и вообще был злобным и диким.

Не знаю, что потом стало со стаей: я ходила с тех пор другой дорогой. А Глеб... Я хоть и поблагодарила его от души, для себя сделала вывод, что не стоит нам общаться. Его хладнокровие в той ситуации напугало меня ничуть не меньше, чем та стая.

И всё бы ничего: кажется, Глебу не было дело до кого-либо из нашей дружной группы — но потом оказалось, что его дом недалеко от моего. Именно поэтому в тот злосчастный день с собаками мы с ним пересеклись. И вот вскоре после этого у нас во дворе стали происходить всякие криминальные события.

Масштабная драка компания на компанию. Запёкшаяся кровь на асфальте возле подъезда дома через дорогу. Там, где жил Глеб. Кражи с угрозами... Мой сосед по лестничном клетке Серёжа попал под раздачу. Его прессанули и забрали все ценные вещи. Ещё и тумачков отвесили. Он рассказывал мне всё это... И что лиц не запомнил, тоже. Я его подбила пойти в полицию. И даже наводку на Глеба дала. Я правда была уверена, что он причастен! Слишком уж много совпадений было то тут, то там. Так или иначе связанных с ним.

Но оказалось, что по итогам следствия я ошиблась. А по моей наводке ему хорошенько досталось: выяснилось, что семья у него неблагополучная, денег почти не было, а сам Глеб тем временем был хорошо одет и мало в чём себе отказывал. Плюс в школе слыл скорее хулиганом, это в универе сам по себе. В общем, не одной мне он подозрительным казался. Слухи разные ходили, разборки... Глеб перестал появляться в универе. А потом и вовсе уехал. Как раз в момент, когда я узнала, что по всем открытым на него делам задержали других. И все опасности в нашем дворе прекратились.

Вот только случилось это и примерно когда Глеб уехал, и

когда третировавшую всех банду посадили. Но что если всё-таки главным зачинщиком всё равно был он, просто умудрился отвертеться?

Я знаю, что не должна об этом думать. И что Глеб, скорее всего, не заслужил. Но сомневаюсь всё равно, что простой парень был бы способен чуть не оторвать пасть псу голыми руками. Да и вообще... От него у меня частенько был мороз по коже.

Глеб знал, что на него вышли по моей наводке. Он дал мне это понять, однажды просто позвонив в дверь моей квартиры. Уж не знаю, у следствия узнал мой точный адрес, или ещё где... Я тогда доставку ждала. Автоматом открыла.

Застыла от ужаса, глядя на него. Хотела закрыть дверь, но не могла даже пошевелиться. А Глеб сказал, глядя на меня нехорошим взглядом, что я должна придумать, как извиняться перед ним буду. И что мне придётся хорошенько постараться. А иначе он предупредил...

Собственно, этим странным предупреждением всё и ограничилось. Глеб даже ответа моего ждать не стал, просто окинул странным взглядом, чему-то ухмыльнувшись, и ушёл. Впрочем, если бы и рассчитывал на ответ, вряд ли дождался — я не только как оцепенела, но и онемела тоже.

А потом Глеб уехал. Непонятно куда и насколько, но многие ребята из нашей группы думали, что всё, он с нами больше не учится. Я тоже привыкла к этой мысли...

Но увы.

В глубине души я не вижу никаких вариантов, что Оля что-то надумала, или ребята не то услышали. Чуйка активизируется: я просто знаю, что Глеб действительно вернётся. И довольно скоро...

Вот только что с этим делать, я не представляю. Может, он всё-таки уже и забыл о том случае? Или хотя бы о своих словах о том, что я должна придумать для него особенные извинения?..

Перебить раздрай от новости о скором возвращении Глеба можно только новым сильным потрясением. И я знаю, каким он будет: мне нужно наконец решиться на разговор с Леонидом Андреевичем — нашим физруком и по совместительству тренером по спортивной гимнастике.

Первый и второй курсы я показывала неплохие результаты в этой сфере, даже на соревнованиях выступала... А потом попала с родителями в аварию, и всё пошло крахом. Меня несильно задело, да и они остались живы — но последствия по здоровью дали о себе знать. И для меня, и для них.

— Леонид Андреевич, я полностью восстановилась, — как можно более уверенно заявляю ему после приветствия.

Скептически оглядывает...

— Выглядишь ты действительно хорошо, но в нашем деле без каждодневной работы над собой никак. И после травмы... Я сомневаюсь и не хочу рисковать.

— Вы ведь вели у нас физру и в первом семестре этого

учебного года, — настаиваю, хотя тогда у меня только созрела идея вернуться. — Вы видели, что я не испытываю никаких проблем с физическими нагрузками.

— Это далеко не то же самое.

Киваю, а сердце вдруг пропускает удар. И вовсе не из-за абсолютно логичных слов Леонида Андреевича. Просто я вдруг спиной чувствую на себе взгляд...

И более того, вдруг точно знаю, кому он принадлежит. Может, пока согласиться с Леонидом Андреевичем и уйти, а потом завести разговор снова? Не хочу, чтобы Глеб был свидетелем и слышал лишнее. А сзади именно он.

Я надеялась, что заявится в универ хотя бы завтра... Хотя я и тогда бы не была готова.

— Всё, мы друг друга услышали? — нетерпеливо уточняет Леонид Андреевич, и я наконец отвисаю.

— Боюсь, что вы меня нет, — сглотнув, всё-таки заставляю себя не реагировать на присутствие Глеба. Мне ведь не так уж и просто удалось обратиться к Леониду Андреевичу, настаивать снова вряд и смогу... — Я согласна, что гимнастика, тем более, для подготовки на соревнования — это далеко не то же самое, что обычная физра. Но я проделывала ту самую каждодневную работу над собой, о которой вы говорите. И уверена в своих возможностях. Испытайте меня.

Боже, надеюсь, он не решит это сделать вот прямо сейчас... При Глебе.

— После травмы? Я не собираюсь рисковать и нести за

тебя ответственность, — стоит на своём Леонид Андреевич.

— Какой травмы? — сердце тут же с бухает куда-то в пятки, когда слышу знакомый голос. Всё такой же низкий, вкрадчивый...

— О, Глеб, здравствуй, — как ни странно, сразу узнаёт его Леонид Андреевич, хотя Соколов ушёл ещё на первом семестре первого курса.

— Добрый день. О какой травме речь? — почему он вообще спрашивает? Причём довольно настойчиво, с нажимом?

Я, конечно, всё ещё не оборачиваюсь на Глеба. Мне слишком не по себе. И без того рядом стоит. Мы не соприкасаемся даже мимолётно, но кожу всё равно как обжигает снова и снова — от каждого его мажущего по мне взгляда.

— Ева попала в аварию с семьёй и повредила спину. Пришлось делать операцию на позвоночник. Это не повлияло на её рутинную жизнь, но о большом спорте, я уверен, не может быть больше и речи, — сдаёт меня физрук.

— Разумеется, — соглашается с ним Глеб, и я вспыхиваю. Леонид Андреевич и без того ни разу не лояльно был настроен! А уж теперь, когда с ним так твёрдо соглашаются, мои и без того скудные шансы рассыпаются окончательно. Причём так ощутимо, что даже в груди больно.

— Я сама буду решать! — на волне эмоций всё же разворачиваюсь к Глебу.

Вот только дальнейшие любые возражения тут же застревают в горле. Сглатываю. Я и без того чувствовала, что он

близко стоит, но теперь, когда мы почти лицом к лицу, не считая разницы в росте... Как же не по себе от встречи наших взглядов. Его откровенно любопытствующий вгоняет меня в жар. Ещё и по-дурацки пытаюсь отыскать в его глазах враждебность или что-то типа того, представляющее мне угрозу...

А Глеб возмужал. Стал ещё шире в плечах, ещё выше, ещё увереннее. Весь его вид подчёркивает, что он далеко не из простых. И эпизод с пастью пса сам собой всплывает в голове.

— Много на себя берёшь, — бросает мне, хоть и не сразу заговорив. И точно ли только о ситуации с гимнастикой? Сглатываю, непроизвольно вспоминая, как по моей милости у него были проблемы с законом. — В этой ситуации решает Леонид Андреевич. Он всё сказал. И справедливо, я считаю.

— Спасибо, Глеб, — признательно говорит ему физрук, как будто это у Соколова есть какие-то полномочия выносить окончательный вердикт! Такое ощущение, будто Леониду Андреевичу действительно есть дело до его одобрения.

Уже без особой неловкости смеряю их обоих недовольным взглядом и выбегаю из спортзала.

Поверить не могу, что это действительно случилось! Два самых вышибающих меня события — разговор с Леонидом Андреевичем и встреча с Глебом. И оба в один и тот же момент. И оба как с размаху по мне влепили. Растоптали буквально...

Теперь по кусочкам себя собирать придётся, потому что

сдаваться я всё равно не буду. Не могу. Даже как будто не имею право. Перед собой, прежде всего. Я выстою, чего бы мне ни стоило.

Глава 2. Ева

— Ну что, как всегда, у Алисы и Саши собираемся? — спрашивает нас всех Снежана, хотя по традиции мы так встречаем всей группой новый учебный год.

Но никак не разгар марта, который вот-вот перетечёт в апрель...

— Да, надо Глеба встретить хорошо, чтобы влился всё-таки, — поясняет словно на мои мысли Тимур. — И заодно проводить Олю на заочку.

У меня срывается дурацкий смешок. Хорошо хоть ребята не замечают... Но правда, их наивная идея, что Глеб будет стремиться влиться в коллектив, кажется абсурдной почти до смешного.

— А Глеб вообще собирается идти? — доносится до меня среди прочих обсуждений.

Ну вот, не мне одной это приходит в голову.

— Да, он уже дал согласие, — неожиданно уверенно подтверждает Алиса. — Мы с Сашей с ним увиделись после физры.

Которая была последней парой и на которую я не пошла... Но и Глеб, видимо, там не был, раз увиделся только с Сашей и Алисой, а не со всей группой.

Может, мне отказаться?..

Хм, нет. Мероприятие же ещё и в честь Оли, а она хоро-

шая девчонка, обижать не хочется. Я бы проводила её на заочку. К тому же, я что, так и буду избегать Глеба? Может, ещё и на учёбу перестану ходить?

Сердце быстрее колотится. Я реально не представляю, как мне теперь быть и с ним взаимодействовать. Но, конечно, ничем не даю это понять.

— Отлично вообще, — бодро произношу, будто только рада этому раскладу. — Что с нас?

— Только присутствие, — улыбается Алиса. — Весь банкет за счёт Руслана и Глеба. Они уже договорились об этом.

Вот что Руслана — это неудивительно, он у нас вообще душа компании. А Глеб... С каких это пор он не только избегает тусовок с нами, но и финансирует их?

— Только им, наверное, лучше тогда презентик какой-нибудь символический принести, — задумчиво говорит Саша. — Или крупный, но от всей группы? Отдельно Русу и Оле, отдельно Глебу.

— Давайте лучше крупный и от всей группы, чем каждый сейчас будет бегать и думать, что по мелочи от себя им, — резко предлагаю, потому что перспектива подбирать Глебу подарок вот вообще мне ни к чему сейчас. Даже в мыслях сформулировать это не по себе. — Да и им будет полезнее, если так, чем много всякой фигни.

К счастью, мою идею поддерживают. И в итоге я скидываюсь тысячей: пятьсот на подарок Оле (ну и Русу автоматом тоже), пятьсот — Глебу...

Которого я вот уж не думала, что когда-либо в жизни буду хоть чем-то одаривать.

— Глеб, а куда ты вообще уезжал, почему исчезал? — интересуется у него Снежана.

Он бросает на меня быстрый взгляд, а потом переводит на неё. И на ней задерживает. По округлостям скользит.

И почему я вообще это замечаю?

— Были кое-какие проблемки, — уклончиво сообщает, и я замираю.

Это связано с моей наводкой на него и той бандой? Никто из группы не знает обо всей этой ситуации: у меня по району гремела, но Глеб каким-то образом умудрился сделать всё так, чтобы информация прошла мимо универа. Интересно, кстати, зачем заморочился только насчёт этого. Рассчитывал вернуться?

— А сейчас как, они решились? — что-то толкает меня спросить.

Глаза Глеба опасно темнеют, когда он возвращает на меня взгляд.

— Почти все, Ева, — криво ухмыляется Глеб. — Основная моя проблема ещё есть.

Почему мне кажется, что это намёк? Но на что? Не на меня же?..

Ничего не могу поделать с тем, что интуитивно чувствую — Глеб не забыл о своих словах, что мне придётся постараться, чтобы вымолить его прощение.

Сглатываю. Не могу ничего теперь сказать. Мне не по себе даже от того, что он назвал меня по имени. И от того, что до сих пор смотрит на меня, хотя фоном продолжается разговор ребят. И вроде как по-прежнему о нём.

— Так а куда ты уезжал? — настойчиво допытывается у него Снежана.

— Я не оставался в одном месте. То тут, то там. По учёбе на заочке был, так что, Оль, если есть вопросы, как там учатся и как дистанционно сдавать сессию — давай, готов ответить.

Слушаю, как они разговаривают между собой, и ощущение нереальности происходящего только сильнее накрывает. Мне одной кажется, что Глеб слишком уж нетипично ведёт себя сейчас? Почему остальные ребята так спокойно воспринимают его перемены и внезапную общительность? Чтобы прошлый он вот так мило разговаривал с Олей... Тяжело это представить.

Возможно, я тоже должна относиться к нему новому так же обыденно, как остальные... Но не получается у меня. Вот не могу перестроиться, и всё тут.

— Кстати, мы не только Руслану и Оле приготовили подарок, но и тебе тоже, — мило сообщает Глебу сидящая рядом со мной Ира. — Да, ребят? Может, пора вручить?

Да уж, всё-таки не я одна не так легко воспринимаю изменившегося Глеба — вот и вся группа сразу тепло и душевно поздравила Олю с решением по поводу заочки, а его пока

нет. Наверное, решили, что стоит расслабиться и посидеть, чтобы было проще...

Рада, что хотя бы им стало.

— Да, Ева? — в разгар моих мыслей врзается вопрос Иры, которая чуть дёргает меня за рукав.

Понятия не имею, о чём она, но на всякий случай выдавливаю улыбку.

— Конечно.

— Правда, Ева? — насмешливо уточняет Глеб, при этом хмурясь. — Тебе меня не хватало? Ты скучала?

Его вопросы звучат с нажимом, да и взгляд давит. Хотя уверена, мы оба прекрасно знаем ответ. Который я, наверное, всё равно при всех дала примерно такой — даже если бы слышала, о чём Ира. Она же за всех говорила.

Хотя вопросы Глеба были конкретно ко мне... Может, пора напомнить ребятам про подарок? Не нравится мне, как на нас поглядывать начинают.

И вообще, что за фарс они тут устраивают? В смысле, скучали по нему? Да прям жуть как, ага. Что-то я не замечала, чтобы кто-то из группы с ним общался вообще. Глеб слишком очевидно не вписывался в наш дружный коллектив с самого начала.

И какого ответа он от меня сейчас ждёт, я даже не представляю. Да и ребятам пора бы разрядить неловкую паузу, нет?

— Так же сильно, как и вся группа, — глядя ему в глаза,

твёрдо говорю.

Звучит, возможно, даже мило — но уверена, Глеб улавливает истинный посыл. Зачем бы сюда ни пришёл, а прекрасно знает, что на деле тут никому не нужен. И мы все ему, очевидно, тоже никогда не были нужны.

Криво ухмыляется. А я резко поднимаюсь под его безотрывным взглядом.

— Я отойду ненадолго, — бросаю всем.

Глава 3. Ева

На веранде тоже есть бутылка: вроде как с шампанским. Хорошо, что вышла с бокалом... Подливаю себе. Сейчас мне это надо.

Ничего не случилось... Я прекрасно знаю это. Но так же ясно чувствую, что всё происходящее сегодня — только начало. Чтобы это ни значило.

И зачем всё-таки Глеб вернулся?

Закрываю глаза, вдыхая прохладный вечерний воздух загородного дома. Там, в доме, Глебу сейчас вручают подарок — хорошие смарт-часы, насколько я знаю. В итоге решили остановиться на них. Даже не представляю, как он отреагирует. Вряд ли ожидал... Но с другой стороны, не сказать, что прям источает дружелюбие. Да, общается с ребятами, но без особого энтузиазма.

Хоть сам понимает, зачем? Глеб не похож на тех, кто будет делать что-то, потому что чувствует, что надо. Неужели всё-таки хочет влиться в коллектив?

— С чего ты взяла, что можешь продолжать безнаказанно выёбываться на меня? — неожиданно слышу знакомый голос за спиной.

Непроизвольно закусываю губу, задрожав всем телом. Глеб... Быстро он освободился. Или сразу за мной вышел?

Нет, не эти вопросы меня сейчас волновать должны. Он

же впервые разговаривает со мной вот так напрямую — давая понять, что ничего не забыл и не простил. Не намёками неоднозначными сыпет, а взглядом непримиримым проживает.

Я прям как будто чувствую, как его особенно синие сейчас глаза оставляют ожоги мне на коже. Так и не нахожусь с ответом.

— Что, уже не такая смелая? — недобро ухмыляется Глеб, забирая из моих несопротивляющихся пальцев бокал. Осушает его, продолжая смотреть на меня. Его губы касаются ровно там, где недавно были мои... От этого ещё больше не по себе.

— Я не... — только и выдавливаю охрипшим от молчания и волнения голосом.

— Вечно ты кем-то прикрываешься, — перебивает меня Глеб, хотя я не то чтобы знала вообще, что собиралась сказать. — То ментами, то группой... А наедине предъявлять слабо?

— Мне нечего предъявлять, — наконец заставляю себя сказать что-то более решительно.

Может, даже хорошо, что Глеб решил обсудить всё, как есть. Может, мы сейчас как раз закроем эту порядком меня напрягающую тему...

Он откладывает выпитый бокал к стоящей на столе бутылке. Оглядывает меня нечитаемым взглядом, чуть склонив голову набок. От этого жар снова прокатывается по мо-

ей так и не остывшей даже на прохладном воздухе коже. И я спешу заговорить:

— А вот тебе да, есть что мне предъявлять, и... — умоляю, потому что Глеб вдруг рывком сокращает между нами расстояние.

И не просто сокращает... Резко и легко поднимает меня, сажая на открытый подоконник веранды. А сам устраивается у меня между ног с этой своей нехорошей ухмылкой, больше напоминающей оскал. Толком не дышу, потому что Глеб не только действует ошеломляюще, но и смотрит ещё более обжигающе. Такое ощущение, что собирается сжечь меня заживо.

— Ч-что ты делаешь? — с трудом узнаю свой голос. Больше на писк похоже.

Глеб делает издевательское движение бёдрами ко мне, из-за чего весь воздух покидает мои лёгкие. Мне кажется, или я и вправду чувствую его стояк?

Божечки... Глеб пьян, или что?

— А что ещё с тебя взять? — насмешливо интересуется. — Ты и так от меня трясешься. Так пусть хоть по делу будет.

У меня в голове всё слишком плывёт из-за того, как мы сейчас близко, где соприкасаемся... Руки Глеба лежат по обе стороны от меня, и я не решаюсь двинуться в какую-либо из них. Да и как это сделать, когда между моих широко разведённых ног стоит этот наглый тип, который меня вот так и усадил?

Он делает ко мне едва уловимое движение, и мои пальцы сами собой цепляются ему за ткань футболки на плечах. Я так, конечно, не смогу оттолкнуть... Но хотя бы как будто удерживаю. Наверное...

— А я... — снова начинаю непонятное даже мне самой. Слова Глеба как-то слабо осмысливаются в моей голове, что уж там ответ давать?

Договорить у меня шансов никаких — и без того откровенно зажимающий меня Соколов вдруг наклоняется так, чтобы чуть прикусить мне верхнюю губу. Ощутимо, неожиданно, с оттяжкой. И тут же хмыкает, глядя туда, где коснулись губами и зубами.

А у меня и там, и по всему телу горит. Сердце больно ударяется о рёбра, а я только и могу, что наверняка ошарашенно смотреть на него. Его же это так забавляет, судя по мелькнувшему блеску в глазах?

Что это было вообще? Зачем?

— Ты так и не придумала, как извиняться передо мной будешь, — невозмутимо обозначает Глеб ту самую реальность, о которой, я надеялась, он забыл. — Я так понял, предоставляешь выбор мне?

Мотаю головой, уже не цепляясь ему в плечи, а пытаюсь оттолкнуть, потому что руки Глеба перебираются мне на тело. Одна ложится на талию, другая на шею так, что большой палец движется по ней к подбородку. А у меня на местах, где касаются его пальцы, горит буквально. Долбанный Глеб как

будто полностью вышибает из меня контроль над разумом каждым своим действием. Ещё и смотрит при этом изучающе-любопытно. И со странной серьёзностью.

— Нет, я вообще-то придумала, — стараюсь тоже сверлить его взглядом, только возмущённым. Но сказать, чтобы отвалил, не решаюсь. — Правда придумала.

Глеб издаёт смешок, при этом продолжая смотреть на меня тем самым тёмным обжигающим взглядом. То ещё сочетание...

— Вот как, — вкрадчиво проговаривает, клонясь ко мне так, что я улавливаю его дыхание. Оно щекочет мою и без того нон-стопом покрывающуюся мурашками кожу. — Говори.

Легко ему сказать... Я не то что говорить, я и дышать сейчас не то чтобы способна! Даже не знаю, какими усилиями умудряюсь в мыслях судорожно подбирать варианты. Вряд ли Глеб имеет в виду извинения только на словах, даже на самых проникновенных, которые только есть на свете.

Чёрт возьми... Он всё ещё вжимается в меня стояком. Как вообще Глеб умудряется быть таким почти невозмутимым, когда у него стоит?

— Я... — судорожно пытаюсь спасти ситуацию, и мозг всё-таки приходит на выручку. Вспоминаю, что мы однокурсники, и программа у нас одна. — Я буду делать за тебя все курсовые, лабораторные, практические и так далее...

— Пфф, — Глеб слегка качает головой, при этом опуская

руку с моей шеи вниз, до груди. Вздрагиваю. И, не выдержав, перевожу свою руку с плеча на его: чтобы хоть притормозить её. — Уверен, что я справлюсь со всем этим куда круче тебя, — заявляет он почти буднично, словно ничего такого сейчас не происходит.

А у меня сердце зашкаливает, и я уже близка к тому, чтобы умолять Глеба отпустить меня. Потому что чувствую, что просто не смогу так дальше — что бы это ни значило.

— Не трогай меня, — пытаюсь говорить уверенно. — А по поводу всех этих работ: во-первых, так ты будешь отдыхать от них, у тебя появится больше свободного времени; а во-вторых, я уверена в обратном, что сделаю круче тебя.

Всё так же глядя на меня тёмными глазами, Глеб издаёт смешок. Потом, цокнув языком, задумчиво оглядывает меня. Его руки при этом всё ещё на мне, но хоть неподвижны. А мой взгляд непроизвольно падает на его на удивление полные губы.

Настойчивее давлую рукой ему в плечо. Да пусть уже отпустит наконец!

— Я могу тебе доказать, — при этом заговариваю, чтобы хоть как-то перебить грубость своего жеста. — Давай я сделаю ближайшую работу за тебя. И если будет пять, то...

— Пять будет и если сделаю я, — перебивает Глеб, но всё-таки отходит от меня.

Довольно неожиданным резким движением. А у меня в местах, где он прикасался, до сих пор кожа горит, и про-

хладный воздух не помогает. Наоборот, делает эти ощущения острее почему-то.

— Ты отличник? — надеюсь, в моём голосе нет удивления, хотя на самом деле оно есть. Глеб меньше всего похож на зубрилу или типа того.

Он не отвечает, только продолжает сканировать меня задумчивым взглядом.

— В общем, так, — подытоживает небрежно. — Твоё предложение такое себе, но раз у тебя фантазия не варит, поступим так: ты делаешь за меня ближайшую домашку. И если препод будет от неё в восторге и будет хвалить, так уж быть, пойдём по твоему сценарию.

Так и тянет спросить, а что если нет. Но сдерживаю порыв. Что-то мне подсказывает, что я не захочу это знать. Да и в горле пересыхает, как вспомню, как неожиданно и резко Глеб усадил меня на подоконник веранды.

— Хорошо, — с готовностью киваю.

Как минимум, отсрочку я тем самым получаю ведь... А там что-нибудь придумаю. Пресмыкаться перед Глебом меня не тянет. Но и делать его врагом уж точно ни к чему.

Я раньше всех ухожу из тусовки. Ссылаюсь на то, что у меня много дел по учёбе скопилось. И ведь не вру — мне придётся за Глеба теперь готовить доклад на ближайший семинар. Причём офигеть каким крутым тот должен получиться,

чтобы Соколов понял, что ему выгодно именно так со мной закрыть тему, и в итоге отстал.

Он, кстати, уже скинул мне задание. Тему доклада, который взял из предложенных на семинаре. Даже здесь загвоздка — самая сложная и неприятная из тем. Глеб явно хочет поиздеваться надо мной.

И я бы послала любого другого на его месте, но даже при раскладе издевательств всё ещё сомневаюсь, что стоит нарываться на такого, как он. Так толком и не поняла, был ли он причастен к тем разбоям... Может, всё-таки да и умудрился отмазаться. Не просто же так уезжал на такой долгий срок?

А даже если следствие на сто процентов разобралось, и Глеб невиновен, то мне тем более не стоит испытывать его терпение. Даже думать не хочу о том, сколько проблем он выгребал тогда. Во-первых, я действительно виновата; а во-вторых, он и при своей непричастности не самый простой парень. И эта его выходка на веранде...

Лучше пусть он увидит, что я выгодная в плане заданий, и перестанет даже думать о чём-либо ещё. Переключится на кого-то ещё пусть... Главное, чтобы не решил, что из меня во всём теперь можно будет верёвки вить. Надо будет ему доходчиво намекнуть, что это не так.

Леденею. Вдруг сознаю, что Глеб мне скинул задания на номер по мессенджеру. Не через соцсеть... Откуда он знает мои цифры? Староста сказала? Когда я ушла?

Да, скорее всего, дело в этом. Уж не знаю, как он ей объ-

яснял, зачем ему мой номер. Скорее всего, никак. Глебу всегда было ровно, кто что подумает. Это мне лишние разговоры ни к чему... Возможно ли будет их избежать, когда меня так демонстративно выделяют?

Со вздохом подхожу к окну, чтобы хоть как-то успокоиться... И тут же цепенею — как раз в этот момент вижу, как из такси выходит Глеб. Он всё ещё живёт в доме напротив моего?

Логично, конечно. Но... Блин!

Вернулся с тусовки почти ночью. Идёт в сторону того самого подъезда, который был его. Уверенно, неумолимо — не оставляя мне даже самых мизерных шансов, что всё-таки сменил место жительства.

А потом вдруг останавливается. И поднимает голову. Готова поклясться, что прямо на меня смотрит! На мои окна.

Перестав дышать, резко отхожу влево. Надеюсь, он не упустил меня заметить... Сама не знаю, почему, но не хочу, чтобы понял, что я на него смотрела.

Глава 4. Ева

До семинара остаётся несколько дней: выходные и ещё два. И они у меня есть не только на передышку, но и на то, чтобы определиться, что будет дальше.

Я не совсем уверена в идеальности своего доклада. Хотя ради него даже пропускаю сегодняшнее занятие по гимнастике, да и в целом всё моё время уже второй день начинает вертеться вокруг этого долбанного задания. Я уже даже близка к тому, чтобы просто договориться с преподам, чтобы расхваливал этот доклад. Клянусь, я бы даже сделала это, если бы не его несговорчивость. Даниил Захарович любит чуть что сразу в деканат на нас жаловаться, а то и ректору. И отчислением по любому поводу грозит. Ну не согласится он, что бы я ни предложила!

Глеб не мог это знать: тот не вёл у заочников и дистанционно обучающихся, насколько я знаю. Так что вряд ли специально подстроил, чтобы я добивалась похвалы именно этого препода. Но совпало максимально издевательски ко мне, ничего не скажешь.

Хорошо, что у меня есть другой вариант помимо попыток договориться с Глебом или Даниилом Захаровичем. Вспоминаю про это, когда иду в магазин мимо дома Глеба. Меня жаром обдаёт при виде этого дома. Ещё и в голове предательски мелькают обрывки вчерашнего... Того самого, что

было на веранде у Саши и Алисы. Я и Глеб...

Нет, к чёрту думать об этом, вспоминать и уж тем более снова фантомно по телу ощущать. Усилием воли переправляю мысли на насущное.

Можно сразу решить две проблемы: пресечь дальнейшие провокации Глеба и заручиться помощью в дурацком докладе. И всё это сможет решить один человек — Мирон. Мы вместе ходим на гимнастику. Он не из нашего универа, но соображает в моей специальности, изучал и бизнес-управление, и финансы. У нас как-то заходила об этом речь. Я знаю, что Мирон — не просто отличник, недавно получивший красный диплом, но и победитель различных викторин, олимпиад и прочих конкурсов как в школе, так и в своём универе. И вне его вроде как тоже побеждал.

А ещё — я ему нравлюсь. И если раньше меня это скорее напрягало и заставляло сокращать с ним общение до минимума, то теперь кажется отличной возможностью. Почему бы нам не попробовать? Я не буду одна со всеми этими проблемами, связанными с Глебом. Заодно и он увидит, что у меня кто-то есть.

Я так воодушевляюсь этой мыслью, что уже тянусь к телефону, чтобы набрать Мирона. И только потом замечаю, что навстречу мне идёт Глеб. Тоже решил в магазин?

Напрягаюсь всем телом. Лучше потом набрать Мирона... Да, Глеб нас с ним в любом случае увидит вместе — но я не хочу, чтобы знал, что я обращаюсь за помощью с докладом к

кому бы то ни было. Пусть думает, что сама его сделала.

А я и собираюсь сама. Просто взгляд и корректировки Мирона мне не помешают. Заодно это и будет поводом сблизиться с ним.

— Как продвигается мой доклад? — увы, поравнявшись со мной, Глеб заговаривает.

Как можно увереннее встречаю его взгляд.

— Отлично. Уже почти закончила.

— Почему ты спряталась вчера? — внезапно переходит на другую тему.

Явно про окно... Вспыхиваю. И как умудрился вообще увидеть меня там, да ещё и ночью? Я на одиннадцатом живу. Офигеть у него зрение, даже завидую.

— Я не пряталась, просто меня мама позвала, вот и отошла, — к счастью хоть какое-то объяснение приходит в голову.

— Ммм, — неопределённо протягивает Глеб, а потом ухмыляется. — Сегодня в десять вечера жду у себя. Раз ты с родителями живёшь. Я один. Так что удобнее у меня.

Цепенею от его внезапных заявлений-размышлений. Так просто озвученных, словно тут и обсуждать нечего!

— Мы вообще-то договорились на доклад, — выдавливаю почти даже спокойно.

— Так и я о нём, — насмешливо бросает Глеб. — Ты говоришь, почти готов. Хочу прочитать. Остальные дни я буду занят, а мне же надо его презентовать нормально.

— Ну он не совсем... — глупо бормочу, пытаюсь понять, он всерьёз меня за этим зовёт, или есть подвох. — И давай я лучше скину тебе наработки. К тебе не смогу. У меня свидание вечером.

Не знаю, что меня толкает именно сейчас и вот так обозначить Глебу, что я вообще-то не одна. Но, кажется, даже воздух между нами тяжелеет вдруг. И этот пристальный немигающий потемневший взгляд мне в глаза...

— Я не обязана постоянно вертеться вокруг тебя только из-за прошлого, — первой не выдерживаю паузу, хоть и сама слышу, что мой голос звучит скорее жалобно.

— Но будешь, — криво усмехается он. — Потому что боишься. Думаешь, я не вижу? Ты не хочешь узнать, что будет, если ты забьёшь на то, как со мной поступила. Ты знаешь, что я в любом случае получу своё. И ты в любом случае ответишь.

Это всё не звучит угрозой: скорее обыденно сказанными фактами, но кровь от них и вправду как леденеет. Глеб прав... Я так и не поняла, насколько он опасен. И определённо не хочу узнавать.

С таким козырем он далеко может зайти... Я должна что-то придумать. И я это сделаю. А пока...

— Хорошо, я приду вечером. Какая квартира и какой этаж?

— Уверен, что даже твой вредный препод не найдёт, к

чему придаться, — с улыбкой обещает мне Мирон, хотя мог бы и не подбадривать.

И так очень помог... Я ведь сразу после очередного столкновения с Глебом и его слов, что ждёт меня вечером; Мирону позвонила. Сказала, что у меня сложный доклад на понедельник предстоит на семинаре, и что препод и без того зуб на меня точит. Попросила помочь... Мирон сразу согласился. Даже, кажется, попросил коллегу выйти сегодня за него на смену — он ведь ещё и управляющий в ресторане недалеко от моего универа.

— Я теперь тоже не сомневаюсь, — улыбаюсь в ответ. — Спасибо тебе. Вот огромное...

— Да, ладно, мы же вместе делали, — Мирон чуть придвигается ко мне: мы сидим на одном диванчике в ресторане: только в другом, не в котором он работает. Ближе к его дому. — Мне было приятно.

«Вместе», как же... По большей части Мирон просто объяснял мне, где и что заменит, дополнит и развернёт. И аргументировал, почему. Новые абзацы тоже сам добавлял. При этом, правда, советуясь со мной — но какой смысл, если я просто тупо кивала на всё?

Более чем уверена, что Мирон наверняка сделал бы самостоятельно куда быстрее, но он же думает, что это мне презентовать доклад надо завтра на семинаре. Правда, это уже скорее реферат. Не думаю, что у препода хватит времени выслушать его весь — но остаться в восторге и похвалить точ-

но должен.

— Мне тоже, — решаю наконец дать Мирону понять, что стала присматриваться к нему. — Ты вообще... Очень хороший.

Он мягко усмехается и накрывает мне руку своей. Напрягаюсь от неожиданности, но быстро расслабляюсь.

Ничего не чувствую... Просто прикосновение.

Почему тогда от касаний долбанного Глеба вся кожа горела, даже там, где не задевал?

— Я рад, — заговаривает Мирон, но я уже скорее фоном каким-то его слышу. Потому что вспоминаю этого мудаческого Глеба и то, что я к нему сегодня вечером прийти должна. — Так, может, мы всё-таки сходим на свидание?

Смотрю на время... Уже половина девятого. Что-то мне подсказывает, что к Глебу лучше не опаздывать.

— Обязательно, — облизываю разом пересохшие губы. — Только не сегодня, мне уже домой пора, ещё доклад заучивать.

— Мне кажется, ты и так его запомнила, пока мы тут сидели. Да и завтра воскресенье. Тебе же в понедельник рассказывать.

— Да, но уже поздно, вот я и решила, что лучше его сегодня зазубрю, а завтра освобожу день для тебя, — с лёгкостью обещаю, глядя Мирону в глаза и стараясь перестроиться на него.

Надо искренне увидеть в нём отличного парня... Ведь он

такой и есть. Взрослый уже, что плюс. Ближе к тридцати. Внешне довольно симпатичный шатен, хотя, как по мне, борodka ему не идёт. Но главное — внутренне Мирон отзывчивый разносторонний парень. Гимнастика у нас тоже в общих интересах..

— Хорошо, — ещё и прямо-таки сияет от моего ответа. Наверное, зря я уже несколько прошлых раз отказывала. — Давай тогда сейчас провожу тебя до дома.

— Давай, — соглашаюсь, пропуская в голос как можно больше тепла.

Хотя на самом деле вдруг накрывает каким-то щемящим чувством вины. Разве я не использую Мирона сейчас? И если с отношениями ещё ладно — я правда постараюсь в него влюбиться — то в ситуации с Глебом... Может, он всё-таки имел отношение к той банде. А если мои проблемы автоматически станут проблемами моего парня, то Мирону может не поздороваться.

Ладно... Постараюсь быть начеку. В конце концов, сейчас у Глеба нет никаких причин на меня злиться — я делаю всё так, как сказал.

Из-за пробок мы с Мироном оказываемся у моего подъезда, когда уже без двадцати десять. Я начинаю нервничать.. До Глеба идти — дело пяти минут максимум, и это с учётом лифта и домофона. Но всё же, мне не нравится, что время

опасно приближается к часу икс.

Распечатанный доклад у меня в рюкзаке. В целом, я могу сразу, как выйти из машины Мирона, к Глебу пойти — но не стоит. Мой будущий парень не должен этого видеть.

— Ну что ж... Я так понимаю, к себе не пригласишь пока, — Мирон мягко усмехается. — Значит, до завтра. Удачно тебе подучить, но не особо напрягайся: ты уже знаешь материал, я это видел, когда мы работали над ним.

Ещё бы я не знала... Я и до Мирона корпела, тему, так или иначе, изучила. Хотя оно мне и не надо. Но киваю.

— Ладно, ещё раз спасибо. И до завтра.

Собираюсь уже выйти из машины, но Мирон в этот момент делает движение ко мне. Как будто собирается поцеловать. Замираю с приоткрытой дверцей, не зная, куда мне теперь. Неловко вышло...

— Всему своё время, — посмеивается Мирон, разряжая обстановку.

Благодарно киваю ему. Даже в этом он идеален... Наверняка любой другой на его месте воспользовался бы тем, как я замешкалась.

Нет, только не думать в этот момент о Глебе...

Вот только увы, выйдя из машины, я какого-то чёрта смотрю на его дом. Более того... Поднимаю голову вверх, на его шестой этаж.

И хотя у меня не такое крутое зрение, как у него, но я чётко вижу, что Глеб там! Смотрит прямо на меня. А ещё сидит

на подоконнике. Причём свесив ноги наружу, на улицу!
Долбаный псих.

Резко разворачиваюсь и захожу к себе в подъезд. В конце концов, у меня ещё есть двадцать минут до того, как придётся к нему пойти.

Глава 5. Ева

Без пяти десять... Пора выходить. Заставляю себя сделать это — всё равно всего времени в мире мне не хватило бы, чтобы настроиться.

По крайней мере, доклад безупречен. Глеб не должен продолжать надо мной издеваться или придирааться — должен же понимать, что даже мои страхи или чувство вины не бесконечны.

Не знаю, видел ли он нас с Мироном... Но почему-то уверена, что да. Не покидает это идиотское ощущение, какого-то чёрта прочно сидит во мне, будто вообще может что-то значить.

Если Глеб умудрился разглядеть меня на одиннадцатом этаже, когда я, в отличие от него, была в доме, а не свешивалась наружу — запросто мог увидеть и происходящее в машине. В конце концов, Мирон притормозил так, чтобы она стояла капотом к нему. Как минимум, лицо моего будущего парня Глеб бы запросто разглядел.

А возможно, и тот неловкий момент с несостоявшимся поцелуем...

Так, хватит. Неважно.

Лифт уже останавливается на шестом этаже. Несколько шагов — и я возле двери в квартиру Глеба.

Смотрю на время... Без одной минуты. Но разве она что-

то даст?

Не даю себе послаблений — звоню сразу.

Дверь открывается не сразу. К моменту, когда я уже конкретно так нервничать начинаю. И это только усиливается, когда я вижу Глеба.

На нём одни джинсы и как будто наспех накинута распахнутая рубашка. Весь его торс на виду... Рельефный, мускулистый. Непроизвольно сглатываю.

А ещё у Глеба растрёпаны волосы и вообще такой вид, будто меня тут никто не ждал. И это притом, что я ровно в десять вечера пришла!

Так и молчу, не решаясь ничего сказать. Что-то болезненно сжимается внутри, потому что я слышу, как женский голос из квартиры спрашивает, кто пришёл. И мне бы не было до этого дела, если бы этот голос не был чертовски знакомым.

— Это по поводу доклада, — небрежно бросает куда-то в квартиру Глеб, а затем протягивает руку мне. — Давай сюда.

Но я так и не прикасаюсь к рюкзаку.

— У тебя там... Агата? — не сдерживаюсь от вопроса, на секунду даже позабыв о страхе перед Глебом.

Просто... Это уже слишком. Она — моя подруга. И более того, у неё были крепкие отношения как минимум до январских каникул. Потом мы не обсуждали с ней личную жизнь — я как-то по умолчанию привыкла, что всё у них с Колей идеально. И в голову не приходило спрашивать... Да и Агата

не заводи́ла эту тему.

— Доклад давай, — игнорирует мой вопрос Глеб, и на этот раз интонации его голоса звучат жёстче. — И побыстрее, я занят.

Давит даже взглядом... А я сглатываю, заметив у него над полоской джинсов след от помады.

Мотаю головой, не понимая, когда только Глеб успел. Двадцать минут назад он сидел на подоконнике, свесив ноги на улицу. Агата уже была у него в квартире в это время? И договорился он с ней об этом до или после того, как назначил мне время?

Ну не мог же вот так оперативно привести её к себе, увидев меня с Мироном... Да и с чего бы?

— Ты оглохла? — хмурится Глеб. — Или всё-таки признаёшь свою несостоятельность и доверяешь мне выбрать, как будешь извиняться?

— Вот твой доклад, — резко выпаливаю, высвобождаясь от лямки рюкзака и распахивая его. Всучиваю Глебу в руки распечатанные листы.

Как же я его ненавижу в этот момент... Даже ничего не объясняет мне! Разговаривает, как с прислугой какой-то. Не удивлюсь, если это он и разрушил отношения Агаты — просто назло мне. И что такого с ней сделал, что она тут с ним зависает?

Лениво пролистывает мой доклад, чему-то хмыкая. Потом бросает на меня взгляд, в котором мелькает любопыт-

ный блеск.

Ублюдок.

Да чтоб ты об листы пальцем порезался. Нет, не одним: всеми сразу.

— У тебя ведь он сохранился в электронке? — увы, Глеб прекрасно себя чувствует, ещё и слишком самоуверенно. — На случай, если понадобится внести правки.

— Не понадобится, — не получается сдержать недовольство во взгляде. Да и не пытаюсь.

— Забавно, — ухмыляется Глеб. — То есть, ты окончательно уверена, что Захарович будет это хвалить?

Застываю. Откуда он знает отчество препода, которого пока и в глаза не видел?..

Да когда Глеб, чёрт возьми, на самом деле вернулся; если столько всего успел?!

— Окей, я понял, — не дожидается моего ответа. — Всё, свободна. Только не забывай, что наш уговор в силе. Ты продолжишь снабжать меня рефератами, курсачами и так далее; только если препода будет в восторге от этого.

Я так ничего и не говорю. Просто не могу. Не способна сейчас — выбита сразу от всего.

Глеб уже закрывает дверь перед моим лицом, а я так и стою возле его квартиры. Не понимаю... Он что, ведёт со мной какую-то дурацкую игру с непонятной целью, или что?

Не верю, что всё это случайности. Глеб мог бы сойтись с какой угодно девчонкой на свете, но Агата...

Так, ладно. Мирон не сомневается в успешности сделанной работы — как минимум отметить её Даниил Захарович должен. А с остальным разберусь по мере возможности.

Ну не могу я ждать и гадать. Весь вечер звоню Агате. Увы, абонент не абонент.

Но я не сдаюсь. Пишу ей в мессенджер, прямо капслоком, чтобы перезвонила и что это ну очень важно. И ура — через несколько минут это всё-таки происходит! Даже не верю, видя на экране входящий именно от неё.

— Алло, надо срочно поговорить, ты одна? — сразу выпаливаю.

— Агата спит, — слышу знакомый наглый голос, и сердце пропускает удар. Мне всё-таки не показалось тогда... Это была она, там, в квартире мудака. — Ты всегда так доёбываешь её звонками? Жесть какая-то.

— Жесть — это то, что творишь ты, — не выдерживаю. Когда мы не лицом к лицу, куда проще вываливать Глебу претензии. — У неё отношения к свадьбе шли! Как вообще... Зачем...

От возмущения не хватает воздуха.

— Жесть я творил два года назад, — спокойно парирует Глеб, отчего я и вовсе перестаю дышать. Это что... Прямое признание? — Ну, если верить тебе, — вкрадчиво добавляет. — А сейчас я просто развлекаюсь.

— И обязательно было выбирать для этого Агату? — решаю проигнорировать его слова про тот случай. — Она ра-
нимающая девушка. И умеющая любить. Ещё в начале января у
них с Колей всё было хорошо, и это наверняка разобьёт и
ему, и ей сердце, когда она поймёт, что натворила. Не верю,
что она отошла от их разрыва, чем бы он ни был вызван. У
них такие отношения, что они в любом случае восстановят-
ся, ничто им не препятствие, а после такого...

— Избавь меня от этих сопливых подробностей, — с от-
вращением перебивает Глеб, на что я с силой поджимаю гу-
бы. Ну какой же всё-таки мудака! Я ведь по-хорошему объ-
яснить пыталась, как человеку. — Она просто моего типа-
жа девчонка. Нравятся мне такие, светленькие, примерно та-
кой фигуры и миловидные. Кстати, вы чем-то похожи. Так-
то мне в целом похер, кого из вас трахать. Хочешь — заме-
ни её.

— Да пошёл ты, — не выдерживаю, со всей силы впи-
ваюсь ногтями в ладонь. Над смыслом его слов лучше даже не
думать. И тем более, не вспоминать момент на веранде.

Как же бесит Глеб. Как же, Боже мой, раздирает от беспо-
мощности и неспособности с ним справиться...

— Ты в этом уверена? — насмешливо интересуется он,
окуная меня в ту самую беспомощность.

Ладно... Не в рабстве же у него Агата. Я с ней поговорю.
Расскажу всё-всё, постараюсь образумить; дам понять, поче-
му с Глебом не стоит связываться.

— А тебе не приходило в голову, что ты реально много на себя берёшь? И что не во всём можешь быть права? Что ты элементарно не всё знаешь по той или иной ситуации?

Качаю головой на эти вкрадчивые вопросы Глеба, в которых слишком отчётливо слышится намёк. Он может быть о чём угодно, но не об Агате! Я даже допускаю, что скорее о событиях двухгодичной давности, но точно не о моей подруге.

Я слишком хорошо знаю её. И сейчас... Это просто не она.

— Когда Агата проснётся... — начинаю, но тут же осекаюсь, понимая, что просить Глеба передать ей какие-либо мои слова будет так себе идеей. И даже просто просьбу мне перезвонить.

— Я её трахну, да, — издевательски заканчивает за меня он. — Если ты об этом.

Поджимаю губы, чтобы не выпалить ему ещё что-нибудь на эмоциях. Но это офигеть как тяжело. Глеб злит ну слишком уж сильно! Каждым словом. Даже одним своим существованием.

Ну какой же мудака.

— Ты же сам говорил, что у тебя до среды слишком много дел будет и не будет возможности изучать доклад, — умудряюсь почти спокойно выдать. — Поэтому и попросил принести его сегодня.

«Попросил»... Так и жду, что Глеб высмеет это слово, потому что его требование не имело ничего общего с просьбой.

Но он молчит: только и слышу, как щёлкает зажигалкой. И ветерок вечерний слышу. Вышел на улицу? Курить? С каких это пор у него такая привычка?

Пфф, да можно подумать, я хорошо знала, какие у него были раньше. Подумаешь, не видела с сигаретой.

— Поэтому, когда Агата проснётся, тебе будет продуктивнее отправить её ко мне и заняться докладом, — всё-таки заначиваю, мысленно похвалив себя за почти полное отсутствие эмоций в голосе.

— Похвально, что ты стала слышать меня, — небрежно бросает Глеб. — Да, дел будет много. Но сегодня их нет. И с докладом я уже решил. Кстати, скину тебе сейчас правки, которые надо будет сделать. Распечатаешь заново с учётом их.

Эм... Что?

Он это серьёзно?!

Каким бы тайным гением ни был Глеб (что на него вот вообще не похоже!), я сильно сомневаюсь, что настолько же эрудированный в теме, как Мирон. У которого, между прочим, красный диплом есть. И много значимых побед и достижений в сфере. Он не мог ошибиться. К тому же, дотошно подходил к деталям — что-то ещё при мне уточнял, сверял, даже профессору своему звонил.

— Когда ты только успел? — только и вздыхаю. — Я же только-только ушла от тебя.

— Вообще-то час уже прошёл. Сейчас одиннадцать. Но

ты была слишком занята доёбыванием до Агаты звонками, чтобы это заметить.

Я не сразу стала ей звонить... Какое-то время ещё пыталась успокоиться. И да, за временем не следила.

Но всё же... За час изучить весь доклад, ещё и внести какие-то правки? И это параллельно как-то взаимодействуя с Агатой? Не хочу даже думать, как они это делали после моего ухода, но заснула она явно не прям сразу.

Либо Глеб действительно тайный гений, либо... Что если осознал, что доклад объективно хорош, и решил подпортить? Играя на том, что не смогу послушаться?

Возможно, внеся его правки, я только испорчу всё.

— Ладно, — вздохнув, растерянно провожу по волосам. — Присылай.

И тут же сбрасываю звонок. С Агатой потом поговорю. В конце концов, не в заточении же она там у него. В любом случае увидимся.

А насчёт правок... Погуглю сама в интернете. Мирона просить будет странно — ведь думает, что доклад для меня. Если придумаю, что обращалась к кому-то ещё перепроверить, может обидеться, учитывая, сколько сил в это вложил.

Почти уверена, что вносить ничего не придётся. Вот только сам факт, что Глеб пытается меня на это спровоцировать...

Его явно не устраивает в общем-то удобный вариант, при котором я буду впахивать полтора оставшихся курса за него.

Глебу этого недостаточно. Он хочет отыгаться на мне.
И наверняка не остановится...

Глава 6. Глеб

То, что было два года назад, не так-то легко забыть. По мне до сих пор иногда херачит последствиями. И нет бы дождаться, пока совсем перестанет — нет, блять, я вернулся сразу, как наступило временное затишье!

Впервые меня задержали на улице. Причём я просто шёл до универа, но двое ментов пристали. Расспрашивали, просили пройти с ними... Заявил, что без официальной предьявы не буду. А то знаю их тему — если попасть в их долбаный участок, то хрен там выйдешь оттуда без пришитых дел.

Сказали, что на меня была наводка... Как сейчас помню этот момент.

— И чья же? — ухмыльнулся демонстративно, пытаюсь не показывать, что внутри стрёмно тянуло.

Уже тогда прикидывал, какими проблемами мне всё это грозило. Но реальность оказалась куда круче даже безжалостной фантазии.

— Это неважно, — враждебно выдал мне блондин, который впоследствии пиздец как попил моей кровушки. — Не в этом суть. Вы обвиняетесь в нападении как минимум на десятерых человек, избииении троих, мелком и крупном грабеже, вымогательстве...

Он расписывал и расписывал так, будто получал какой-то кайф, предьявляя всё это мне. Даже названия статей забывал

упомянуть, за него это делал второй, постарше.

— Ага, я понял, — выдавил небрежно, как будто в башке уже не крутились варианты выходов по тем или иным последствиям. — Доказательства есть?

— Поедем в участок, проведём допрос и всё вам покажем-расскажем, — снова блондин. Ещё так высокомерно...

Ему явно не терпелось. Вгляделся внимательнее... Да, молодой, но точно старше меня и лет так на пять. Не припомнил, чтобы пересекались.

— Если вы меня арестуете, то как-то по-дилетантски, — поморщился. — Так и тянет нахрен послать.

Видеть вытянутое побледневшее лицо этого блондина стоило дальнейших нескольких минут пиздеца. До сих пор так думаю. Надо было ещё всечь.

А в итоге несколько секунд перепалок, которые и второго мента заебали. Применение силы... Мои попытки сопротивляться. Кровь во рту. Постарались... Блондин так вообще отрывался.

Позже понял, почему. В машине, куда мне всё-таки пришлось сесть во избежание ещё больших проблем, выяснилось.

— Хорошо, что Ева заставила моего брата подать заявку на этого ублюдка, — мрачно заговорил блондин. — Это столько вдохновило тоже обратиться... Подумать только, а мы ведь и не знали о бесчинствах в этом районе. Как я понимаю, этот отброс и есть главарь их банды.

Перевозбуждённый моим арестом мудака, который явно только начинал свою полицейскую деятельность, вывалил всё это как на духу, на что второй тут же строго его приземлил. Напомнил про доказательства и ещё что-то говорил.

Я не слышал. Потому что в башку всё-таки врезалось её имя. Запоздало, не сразу. Как будто до этого не могло, застревало где-то на подлёте сознания.

Ева.

Ева, блять! Медленно сжимал и разжимал руки в кулаки в машине, пытаюсь понять, как эта с виду вся такая милаха могла на это пойти. Не верил в совпадение имени с любой другой. Стоило только услышать — и убеждённости какая-то яростная появилась.

Та самая Ева, которую я спас. Которую выделял из всей группы, потому что цеплялся взгляд. Которая явно чувствовала каждый такой, потому что смущённо ёрзала на месте, поправляла волосы и всячески выдавала равнодушие. Ну, я на тот момент так думал. Теперь уверен — это было скорее отвращение или даже страх. Будучи добровольным изгоем в группе, я с ней единственной пару раз заговаривал. Отвечала, даже улыбалась — но при этом напрягалась ощутимо. И явно уже домисливалась себе на тот момент в башке, что я чуть ли не маньяк по её душу.

Несколько дней мне понадобилось, чтобы принять тот факт, что это Ева меня подставила. Хотя я даже током не думал об этом со всеми навалившимися проблемами... Но

по ощущениям да, принял всё равно не сразу. Тормошило внутри нон-стопом. Вроде бы похер должно было быть с учётом всего остального, а ведь не было.

Благодаря мудаческому блондину, так невовремя и неудачно вписывающемуся за брата; я торчал в клетке во время разбирательств. Шансов, что кто-то вытащил бы меня оттуда, не было с учётом моих родителей... Но даже не это оказалось худшим.

Блондин и ещё парочка таких же мудозвонов пытались выбить из меня признания. Любое моё сопротивление рассматривалось ими как дополнительное преступление. Бить полицейских же нельзя...

Но при этом эти уёбки слишком хорошо видели, что просто избивать себя я не могу позволить. Специально дразнили, испытывали выдержку. Врали про улики, которых не могло быть. Когда была смена того повзрослее, всё было куда более цивилично, только вот тот не был в теме, что творил его младший помощник. Били меня специально так, чтобы следы всего этого закрывала одежда. По лицу почти нет. Лишь там, где и так уже было во время задержания.

У блондина явно были какие-то комплексы, потому что всё меньше верилось, что это за брата так вписывался яростно. Поначалу, возможно, да. Потом скорее кайфовал от чувства превосходства надо мной, как над более сильным. Уверен, ему в школе доставалось от подобных мне. И вообще по жизни, пока в менты не пошёл.

Чтобы окончательно не ёбнуться от происходящего в моей жизни, я в какой-то момент начал даже специально его провоцировать. Грубыми фразами, надменным или презрительным взглядом, словами-ударами в больное — в общем, всякой мелкой хернёй, точно бьющей по его самооценке, но неспособной повлиять на моё более долгое пребывание здесь. Хотя блондинчик явно нацелился его при любом раскладе продлить.

Я не удивился бы, если бы сам стал клепать доказательства того, что я был главарём том самой банды, которая тоже отказывалась раскалываться. Только вот тот мент, что взрослее, точно бы не позволил. Хоть как-то контролировал своего помощника-напарника. Скорее всего, блондин боялся, что мог облажаться с подставой меня и сам в итоге загреметь.

Зато мою репутацию он превращал в беспросветный пиздец. Обыски были и в моей квартире, из-за чего весь дом и все соседи были в курсе моего задержания. С работы я тоже вылетел, и всё моё успешное продвижение по карьерной лестнице полетело к херам. Не то чтобы я уделял ей много времени: так, по свободному графику время от времени, но перспективы были. А в итоге люди, к которым я испытывал уважение, не захотели иметь со мной ничего общего. Блондинчик постарался расписывать каждому интересующемуся так, что я представлял в самом стрёмном свете.

Универ... Там наверняка бы тоже шли обо мне фееричные разговоры, которые, возможно, подогревались бы той

же Евой. Но оказалось, что ректор, Артём Владимирович, слишком хорошо помнил добро. В отличие от этой девчонки.

Я как-то спас его семью от пожара в их загородном доме, просто проходя мимо. Мне тогда было лет шестнадцать. И я делал это не один — на помощь подоспели и остальные мимо проходящие, а там и пожарные подъехали. Но тащил родных ректора именно я, как и врывался в горящий дом. Остальные не рисковали, помогали на выходе. В общем, в итоге именно со мной из всей образовавшейся толпы Артём Владимирович больше всего об этом контактировал. Помог потом поступить к нему в универ, хотя хрен бы там меня приняли с учётом моей семьи и минимальных мест на бюджетной основе. Выделил для меня дополнительное.

А потом ещё и добился как-то того, чтобы никто в универе вообще не знал, что я под следствием. И место за мной закрепил, отчислять не стал. На фоне всего остального происходящего и стремительно отворачивающихся от меня бывших партнёров, эти действия ректора даже, блять, растрогали. Помню тот ком в горле, который возник, когда я узнал о них. В меня по жизни как-то мало кто верил. Такая уж среда, из которой вылез. Всё выгрызал скорее вопреки всем.

Моё тянущееся заточение начинало сводить с ума. Ужасно хотелось элементарно по улице пройтись, вдохнуть свежего воздуха. Ещё чесались кулаки размять их в лучшем случае о специальную грушу. Но я мог только ждать, получая

новости об очередном разрушенном пазле из без того с трудом собранной моей благополучной реальности.

Отец у меня всё ещё сидел в тюрьме, за распространение наркотиков. А мать жила то с одним мужчиной, то с другим. Квартира, которая вроде как была нашей, начала пустовать уже давно. В какой-то момент я тупо поменял замки и жил там один. Мама так и не возвращалась. Звонила всё реже. А когда началась вся эта тема со следствием, она сказала ментам, что уже давно отказалась от меня, поняв, что весь в отца. И что устала от нас обоих.

Не сказать, чтобы это сильно удивило... Но я всё сильнее чувствовал, что уже на грани. Что уже не вывожу это всё. И что готов послать всё нахер и отпиздить этого блондина так, чтобы встать не смог. Как будто это он один был источником всех бед.

Он, а не Ева.

Даа, это был первый раз, когда я за долгое время пребывания под следствием не просто мимолётно вспомнил эту сучку. даже её образ в голове всплыл. И, как ни странно, именно она в итоге стала тем самым якорем, который не позволил мне окончательно провалиться в бездну пиздеца.

Ева стала моей целью.

Я всё ещё кипел внутри каждый день, так сильно, что реально мог взорваться. Но теперь мне было ради чего держаться. Даже изначально выделяя эту дуру из других, я не собирался с ней ничего делать. Но то было тогда...

Теперь же я нахрен каждый день в долбанной решётке думал только о том, что сделаю с ней. Думал только о ней.

Даже не о том, ждёт ли меня приговор, или отсутствие улик всё-таки заставит ментов меня выпустить. И не о том, что ребята из банды ничего обо мне не скажут при любом раскладе. Я думал только о том, как снова встречу с Евой.

Ей охрененно повезло, что крупницы здравого смысла во мне всё же остались. Потому что, если бы я добрался до неё, как только вышел всё-таки из тюрьмы, так и не получив срок...

Ооо, это было слишком разрушительное желание! Оно тормозило меня так, что я реально решил, что больше месяца в клетке превратили меня в монстра. Потому что мне хотелось видеть в глазах Евы испуг. Дико тянуло добиться, чтобы она осознала, что натворила. И чтобы жалела об этом всю жизнь. А ещё...

Ещё она превратилась в долбанное наваждение для меня. Почти все мои мысли о том, как буду мстить этой девчонке, были связаны с сексом. Или приводили к нему. Да, к жёсткому, где Ева была бы не более чем игрушкой для меня — но какого-то хрена я, блять, думал о её оргазмах. Раздирали противоположные мысли. С одной стороны, эта дура заслуживала только наказания, но с другой... Я почему-то хотел, чтобы она при этом жаждала меня.

Утопая в мыслях о ней день за днём, я не позволял себе сразу врезаться в её жизнь. Понимал, что тогда будет полный

пиздец. Но и уехать, не увидев её, не мог.

Я ведь для этого и рискнул однажды, умудрившись узнать из материалов дела по мне её адрес, телефон и другие данные. За день до освобождения. Прекрасно зная, что если попадусь, в лучшем случае продлю себе весь этот ад.

А потом пришёл к Еве, закипая ещё на подходе к дому. Не вникал, насколько это дурацкая идея, ноги сами тащили. Точно запомнил, куда. Хватило лишь раз увидеть все эти данные, так теперь на подкорке где-то выбиты.

Реально не представляю, как ограничился предупреждением этой дуре, что ей придётся ответить. Просто смотреть на неё после долгого заточения в тюрьме... На такую с виду невинную милаху, которая всем своим видом безмолвно кричала, что мне нечего делать в её мире... Это было пиздец как непросто.

Ушёл быстро. Уехал в тот же день. Принялся методично налаживать свою жизнь. Мысли о Еве пытался отогнать, потому что меньше всего мне хотелось превращаться в заикленного на всём этом дерьме психа. Менял девчонок, окунался в новые заработки, дистанционно учился, занимался спортом...

Фоном налаживалось и остальное. До всех, кто от меня отвернулся в тот период, уже долетели известия, что я был признан невиновным. Но мало кто решался снова со мной заговорить. Только двое позвонили. Толком и не помню, что там мямлили. Отвечал им что-то такое же пустое — и на

этом всё. Отвалились окончательно.

Мать не выходила на связь. Не то чтобы ждал... Но этот факт почему-то сидел где-то на задворках подсознания нон-стопом. Не парил, но если бы кто спросил, когда я разговаривал с ней в последний раз, мог бы точную дату назвать.

А вот кто продолжал парить, так это Ева. Её было не выдворить из башки ничем. Знакомился с другими? В каждой видел что-то общее с ней. То губы, то жесты, то волосы, то фигура, даже тембр голоса... Вымотался в течение дня? Являлась во снах. В которых то сопротивлялась мне, то продолжала добиваться моего наказания и не верила в невиновность, то убегала от преследующего её меня. Но были и другие... Где она извинялась, отдавалась, изначально поступала иначе и даже врывалась ко мне, пока сидел в клетке.

Не знал, какой из этих снова был хуже. От каждого хотелось колотить грушу. Собственно, так мои дни и стали начинаться со спортзала.

А потом я впервые за долгое время зашёл к ней на страницу. Бездумно, просто сидя в парке. И... Поковырявшись там и не найдя ничего нового, кроме парочки новых фоток и песен в плейлисте — взял билет обратно в Москву. Через неделю. Во время которой собирался оперативно сдать квартиру обратно, закрыть тут все дела и двинуть. Просто что-то щёлкнуло в башке, что пора. Вот так вот, уже после начала второго семестра третьего курса.

Благо, Артём Владимирович и здесь мне не отказал. Ко-

гда я позвонил ему и сказал, что созрел вернуться на очную форму, согласился и обещал, что оперативно организует мне возможность. Не соврал. Скоро уже дал мне понять, что всё готово. Я к тому моменту уже был в Москве. Но пока не навещался к Еве, потому что уже решил, что лучше ошарашить её своим возвращением в самом универе.

Не для особенного эффекта... Просто, чтобы не оставаться с ней наедине. Пока что. Всё же я целых два года копил в себе столько всего к этой девке, что, блять, даже не знал; во что всё выплеснется. Особенно, если Ева при этой встрече как-то не так себя поведёт.

Собственно, так и оказалось... Эта девчонка явно меня боится. Но теперь это даже не бесит — скорее забавно. Есть, на чём играть. Есть, где продавать.

Она отняла у меня окружение, работу, привычную жизнь и стала моим наваждением. Ещё до встречи с Евой я начал прорабатывать почву для того, чтобы ответить ей ровно тем же. Я решил все свои проблемы в итоге — сможет ли она? Моё окружение не выдержало проверки трудностями — выдержит ли её?

Вычислить его не стоило особого труда. Одна подруга, родители, несколько ребят из универа, которых можно даже не считать... Ну и теперь тот долбоёб в машине, которому она не позволила себя поцеловать. Но с которым вроде как на свидании была.

Оставив Агату дрыхнуть у меня в квартире дальше, вы-

хожу на улицу. Привык вставать к шести-семи и начинать со спортзала. Ближайший открывается в девять, но хотя бы пройдуся пока... Может, на улице на турниках начну.

Выйдя из дома, кладу бутылку с водой в рюкзак, но не сразу его застёгиваю обратно. Потому что улавливаю движение со стороны дома Евы. И даже прежде, чем смотрю в её сторону, понимаю — она. Чуйка какая-то на эту девчонку теперь.

Вот только что это Ева не спит так рано? Идёт сосредоточенная такая, меня не замечает.

Помедлив, всё-таки двигаю за ней. Девчонка довольно нерешительно идёт, то и дело тормозит, но быстро становится понятно; куда. В ту самую заброшку: непонятный кирпичный недострой, где чаще была сходка банды. Туда тащили тех, кто должен был огребать по тем или иным причинам, там обсуждали планы, там делили добычу. В общем, весь жесткач там был.

И наверняка не просто участвующая, но и следившая за следствием по моему делу Ева об этом сто процентов в курсе. Да даже многие во дворе наверняка это тёрли. Вот только нахрена девчонке приспичило попереть туда сейчас? Думает там что-то найти?

Пфф. Вообще-то менты там уже всё перерыли. Неужели думает что-то новое обнаружить?

Может, не просто что-то, но конкретно дискредитирующее меня? Ухмыляюсь этой мысли...

Но тут же напрягаюсь.

А потом ускоряю шаг, больше не беспокоясь о том, заметит ли она меня или нет.

Глава 7. Ева

Заснуть после разговора с Глебом и высланных им правок шансов просто не было. Я ведь честно пыталась это всё гуглить... Не получалось.

Он как специально прислал именно то, на что фиг там найдёшь информацию. И это уже напрягало: либо слишком хорошо соображал в теме, либо выдумал из головы. Но даже во втором случае Глеб явно не дурак. Мягко говоря. И тут реально тяжело тягаться...

Долго сомневалась, всё равно ковырялась по просторам интернета, изучая смежные темы — и в итоге решила всё-таки не делать правки. Там даже если вдруг они реально по делу были, явно не из серии обязательных знаний. А дополнительных — чтобы препод хвалил — Мирон и так накидал. И ни в чём не ошибся, я уверена. Потому и оставила его вариант.

Но всё равно плохо спала. Ворочалась, думая то об одном, то о другом. То об Агате, то о странных планах Глеба; то о нашем с ним разговоре и его словах про «мой типаж», которые относились и ко мне... То о других его словах и действиях, которые на веранде в доме Саши и Алисы были.

Ближе к ночи я уже поняла, что не могу успокоиться, пока не узнаю точно, виноват ли Глеб в событиях двухгодичной давности.

Но где искать ответы, не представляла. Официально он признан невиновным, но так и это? Глеб ведь явно специально сказал мне с паузой, что жёсть творил два года назад. Он как издевается. Намекает, дразнит? Просто ради развлечения, или что-то за этим всё-таки стоит?

Узнаю наверняка — тогда и пойму, насколько влипла и как стоит с ним действовать дальше. Если всё совсем плохо, то, возможно, лучшим вариантом будет добыть доказательства о его причастности к преступлениям и обратиться с ними за помощью. На этот раз продуманно, осторожно. И будучи на сто процентов уверенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.